

II. Русские европейцы (7)

Материалы конференции «Три века христианского просвещения в России»*

Татьяна Сидорина**

Христианская трактовка культуры в творчестве Евгения Трубецкого

Русскую философскую мысль всегда отличало внимание к социальной проблематике и историософии: «Русская мысль сплошь и рядом историософична, она постоянно обращена к вопросам о смысле истории, конце истории и т.п. Эсхатологические концепции XVI-го в. перекликаются с утопиями XIX-го в., с историософскими размышлениями самых различных мыслителей. Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей "русской души"»¹ – отмечал В.В. Зеньковский.

В начале XX века Н.А. Бердяев писал, что русская мысль более всего занята проблемами философии истории: на построениях философии истории формировалось национальное сознание русского человека, в центре духовных интересов были споры славянофилов и западников о России и Европе, Востоке и Западе. Построение религиозной философии истории есть, по мнению Бердяева, призвание русской философской мысли: «Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалиптически. В этом – отличие

* Конференция «Три века христианского просвещения в России: становление русского европеизма (от петровских реформ к неорелигиозному Ренессансу XX века)» была организована Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) 27-28 апреля 2018 г. в Москве.

** Доктор философских наук, профессор-исследователь школы философии НИУ ВШЭ (Москва).

¹ Зеньковский В.В. История философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 16-17.

ее от мысли Запада. Но это и придает ей прежде всего характер религиозной философии истории»².

Кризисное мироощущение, предчувствие конца эпохи пронизывают русскую культуру середины XIX – первой четверти XX в. Одним из ключевых вопросов, к которому обращена русская философская мысль рубежа XIX-XX вв., становится вопрос о кризисе европейской культуры.

Русский религиозный философ, правовед и общественный деятель князь Евгений Николаевич Трубецкой обращается к закономерности эсхатологического мировосприятия, его укорененности в истории христианства в ряде работ. Прежде всего в работе «Смысл жизни» (1918), которая с полным основанием признается «наиболее значительным философским трудом»³ мыслителя. А также в ряде других работ, например, «Умозрение в красках» (1915), «Два мира в древнерусской иконописи» (1916).

В труде «Смысл жизни» Трубецкой размышляет об эсхатологических параллелях Евангелия и современности. На пике социального и духовного напряжения, которое захватило русское общество в конце второго десятилетия XX в., мыслитель обнаруживает все указанные в Евангелии признаки близости конца вселенной. Однако философ не торопится с последними выводами, поскольку те явления, которые воспринимаются как знаки, символы конца истории, конца света, случаются и повторяются, по мысли Трубецкого, во все дни великих мировых потрясений и кризисов: «Не в первый раз мир обгагрется кровью, и не в первый раз из войны рождается смута и голод; также и гонение против Церкви, начавшееся на наших глазах, – не только не первое, но и далеко не самое беспощадное»⁴.

Трубецкой вспоминает кризисные периоды христианской истории, ее катастрофические эпохи, которые сопровождались трагическими событиями, неизменно вызывавшими в христианском обществе эсхатологические предчувствия. Последние были сопоставимы с пророчествами Евангелия и пугали реальной близостью конца истории (крушение римской империи; войны Средневековья; войны Реформации; наконец, обострение эсхатологических настроений в России, связанное с царствованием Петра I, – многочисленные войны, гонения против раскольников; следующая волна ожидания конца – наполеоновские войны и т.д.).

Согласно Трубецкому, мировые катастрофы – явление, повторяемое в истории: «При каждом повторении они становятся глубже и шире, распространяются на все большую и большую область земной поверхности. Мы не знаем и знать не можем, сколько раз суждено повторяться в мире катастрофическим явлениям войны, смуты, голода и гонения, как часты и как сильны будут в будущем земле-

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 4.

³ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 107; Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт-на-Майне, 1981. Т. II. С. 11. (Цит. по: Сапов В.В. Князь Е.Н. Трубецкой: очерк жизни и творчества // Трубецкой Е.Н. Избранное. М., 1995. С. 443.

⁴ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Он же. Избранное. С. 279.

трясения, которых также бывает много во все века. Но, как бы часто ни повторялись все эти ужасы, – безусловный смысл их всегда один и тот же. *Они всегда означают не только близость конца, но и действительное его приближение.* Ошибка начинается только с того момента, когда мы начинаем мерить эту близость нашим человеческим аршином, т.е. днями и годами в буквальном смысле и в особенности – *определенными датами*⁵.

Работа «Смысл жизни» выходит в период, когда катастрофизм переживаемых Россией событий проявляется во всей полноте. Со всей очевидностью обнаруживается взаимосвязь и взаимообусловленность кризиса европейской культуры и трагической судьбы России. Трубецкой воспринимает все происшедшее и происходящее в России в контексте европейского кризиса и пишет об этом в предисловии к работе: «Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения. Когда была написана его первая глава, катастрофа, ныне постигшая Россию, только надвигалась и была мучительным предчувствием. Слышались отдаленные раскаты грома приближающейся грозы, но оставалась надежда, что она минует, и все еще казалось целым. Потом труд был прерван в самом его начале революционной бурей. Он возобновился под гром пушек московского октябрьского расстрела 1917 г. Теперь, когда он кончен, Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуры»⁶.

Ученик и последователь Вл. Соловьева, Трубецкой многое критически воспринимал в его учении, в том числе концепцию вселенской теократии. Современную ему общественную и культурную ситуацию Трубецкой квалифицирует в терминах апокалиптики, именуя общество звериным царством: «На наших глазах апокалиптическое видение *зверя, выходящего из бездны*, облекается в плоть и кровь; господствующая в современной жизни тенденция выражается именно в превращении человеческого общежития в *усовершенствованного* зверя, попирающего всякий закон божеский и человеческий; к этому результату ведут головокружительные успехи современной техники, с одной стороны, и столь же головокружительно быстрое падение человека и человечества, с другой стороны. Звериное начало утверждает себя как безусловное начало поведения, которому должно быть подчинено *все* в человеческой жизни. В особенности современное государство, с его аморализмом, с его стремлением использовать всю культуру как средство для осуществления животных целей коллективного эгоизма, являет собою как бы конкретное воплощение начала зверочеловеческого»⁷. И, как следствие, перспектива человеческой истории вовсе не Божье царство, но *ад*: «На

⁵ Там же. С. 280.

⁶ Он же. Смысл жизни // Он же. Избранное. С. 7.

⁷ Там же. С. 258.

наших глазах ад утверждает себя как исчерпывающее содержание *всей* человеческой жизни, а стало быть, и всей человеческой культуры»⁸.

Этот мотив присутствует и в более ранних работах философа. Так, в «Умозрении в красках» он сравнивает жизнь человечества с борьбой за выживание на дне аквариума, замечая при этом, что «в мирное время это роковое сходство скрыто, замазано культурой; напротив, в дни вооруженной борьбы народов оно выступает с цинической откровенностью; более того, оно не затемняется, а, наоборот, *подчеркивается* культурой, ибо в дни войны самая культура становится орудием злой, хищной жизни, утилизируется по преимуществу для той же роли, как челюсть в жизни водяного жука»⁹.

Возможно, Трубецкой одним из первых обращает внимание на широту распространения кризисной ситуации, всеохватность ее проявлений. Полагаем, что так и прорастало глобальное мировосприятие, осознание всеобщности происходящего в мире, глобальности последствий возникающих глобальных же проблем. Трубецкой обращается к проблеме войны, акцентируя внимание прежде всего на ее всеобщих последствиях: «На наших глазах зло торжествует одну из величайших своих побед над человечеством: всюду свирепствует адский вихрь всеобщего разрушения – весь мир охвачен зловещим заревом пожара»¹⁰.

Зло, торжествующее в мире, согласно Трубецкому, приняло форму всеобщей войны между людьми. И если война вообще – явление древнее, то в XX в. война приобретает характер мировой войны, она распространяется на все части света. Впервые война является как безусловное и всеобщее начало, которое царит над всеми и определяет все человеческие отношения.

Состояние российского общества Трубецкой определяет также как войну всех против всех. Философ замечает, что «все общество у нас живет в состоянии войны – классы, партии и даже отдельные лица. Распались все общественные связи, рухнул весь государственный порядок и внутренний мир. И словно самой родины нет больше – есть только враждующие между собой классы. А временами кажется, что нет больше и классов. Есть только хищные волки, которые рвут друг друга на части или собираются в стаи, чтобы вместе нападать на одиноких»¹¹.

Трубецкой рассматривает войну как культурный феномен, который со всей очевидностью демонстрирует и гибель культуры, и предзаданность, неизбежность этого конца, изначально заложенного в ней самой. «Война родила анархию!» – восклицает философ. И эта анархия, охватив, как эпидемия, все страны и сферы человеческой жизни, и есть символ конца.

Предвосхищая историко-культурный анализ Д. Мережковского, Трубецкой проводит эсхатологические параллели, сопоставляя современные ему события с

⁸ Там же.

⁹ Он же. Умозрение в красках // Он же. Избранное. С. 325.

¹⁰ Он же. Смысл жизни. С. 258.

¹¹ Там же. С. 259.

катастрофами, происходившими в разные исторические эпохи – Пелопоннеской войной, падением римской империи, татарским нашествием. Эти и многие другие примеры, согласно Трубецкому, «свидетельствуют об одном и том же – о положительном значении катастрофического в мире, о связи глубочайших откровений с крушением человеческого благополучия. Вот почему второму пришествию Спасителя должна предшествовать такая скорбь, которой не было от начала мира»¹².

При всем трагизме называемых событий, Трубецкой видит в них особое предназначение, особый смысл. Философ рассуждает, что именно в дни Пелопоннеской войны или после нее, под влиянием переживаний, ею вызванных, родились те духовные ценности, которые составляют величайший вклад Эллады в сокровищницу всемирной культуры. И не будь этих переживаний, считает философ, не было бы и многих великих творений греческих трагиков, комедий Аристофана, философии Сократа и Платона.

Вопрос сводится к оценке происходящего. Действительно, характерное для русской религиозно-философской традиции христианское восприятие истории позволяет увидеть в самых трагических событиях как современности, так и прошлого, благое искупление, условие обретения новой жизни. «Совершается суд над миром; – считает Трубецкой, – и все те духовные силы, которые таятся в человечестве, должны обнаружиться в этом огненном испытании. Самое разрушение мирского порядка доказывает, что царство Божие нас коснулось: *оно близко, при дверях*. Все то, что его не вмещает, подлежит разрушающему действию огня, разгоревшегося в мире. Но для тех народов, которые сумеют осознать и вместить его откровения, наступает эпоха великих духовных подвигов и высшего творчества»¹³.

Обращаясь к теме европейской культуры и ее кризиса, Трубецкой рассматривает проблему в широком контексте, отвлекаясь от конкретного культурно-исторического события, пытаясь осознать и проанализировать истоки и смысл происходящего¹⁴. Философ ставит вопрос о смысле человеческой культуры. Отмечая, что однозначно ответить на этот вопрос невозможно, он предлагает подлинно христианскую трактовку феномена культуры (в традициях философии всеединства). Основную задачу культуры Трубецкой видит в том, что культура призвана нести в жизнь «мысль о Христе, пришедшем во плоти». В этом ее положительная задача и оправдание.

Следуя концепции Вл. Соловьева, Трубецкой говорит о том, что «человек призван быть на земле сотрудником в строительстве дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура, наука, искусство и общественная

¹² Там же. С. 285.

¹³ Там же.

¹⁴ Оценка Трубецким культурной ситуации совпадает с диагнозом, вынесенным культуре Бердяевым: «...культура всегда бывала великой неудачей жизни».

деятельность»¹⁵. Христианская философия, религиозное искусство (церковная архитектура, скульптура, музыка, религиозная живопись), христианская общественность являются для Трубецкого носителями «положительной ценности». «Отрицательная ценность» присуща антирелигиозной культуре, «которая стремится утвердить на земле царство безбожного человека».

Говоря о кризисе современной культуры (не разделяя культуру европейскую и русскую), философ замечает, что разрушается, агонизирует именно антирелигиозная культура; она «гибнет в разгоревшемся на наших глазах мировом пожаре. В катастрофических событиях всемирной истории мы читаем ей суд и осуждение»¹⁶.

Выделяя положительные и отрицательные элементы культуры, Трубецкой отмечает наличие «смешанной» или «средней» области человеческой жизни: Есть безусловное добро и зло, но есть и *средняя* область *относительного*, религиозная оценка которого представляет значительные затруднения. Так, к числу спорных Трубецкой относит вопрос о светской культуре. Можно ли признавать за ней какую-либо положительную или относительную ценность? Или она должна быть оценена отрицательно? Если цели божественного домостроительства осуществляются через крушение мирского порядка и мирского строения, – задается вопросом Трубецкой, – не значит ли это, что мы должны смотреть на весь мирской порядок, а с ним вместе и на всю светскую культуру как на ценность отрицательную?

Трубецкой полагает, что решение этого вопроса очень важно, поскольку фактически это вопрос об отношении человека к миру. Должны ли люди быть деятельны, активны, бороться, спасать гибнущее общественное устройство или предоставить все естественному ходу истории, заняв позицию стороннего наблюдателя: «Должны ли мы тушить мировой пожар или, сложа руки, ждать того Божьего суда над миром, который предвещается этой картиной всеобщего разрушения?»¹⁷.

Выбор пассивного решения, т.е. отказ от борьбы за мирской порядок с религиозной точки зрения, может показаться более привлекательным, особенно в России, где традиционна пассивная религиозность. И есть немало примеров, когда в религиозных сектах проповедуется настроение бездействия в ожидании предстоящего конца мира и скорого пришествия Иисуса Христа. Трубецкой обращает внимание и на другой уклон религиозной мысли (или, как он пишет, «религиозного мироощущения»), который ведет к отождествлению мирского порядка с «царством Антихриста», и вследствие этого он неизбежно должен погибнуть. Последнее философ оценивает как крайне опасную тенденцию, поскольку, «признавая мирской порядок "царством Антихриста", мы отдаем его во власть Анти-

¹⁵ Трубецкой. Смысл жизни. С. 286.

¹⁶ Там же. С. 287.

¹⁷ Там же.

христа. А отказ от борьбы за мир есть недостойная человека, и в особенности христианина, капитуляция перед господствующим в мире злом»¹⁸.

В основе этих пассивных, эсхатологически окрашенных настроений, по мысли Трубецкого, лежит пренебрежение к относительным ценностям, в числе которых он называет и мирской порядок, и светскую культуру. Философ говорит об относительной и временной ценности мирского порядка, ибо конечная цель – Царствие Божие, и мирской порядок лишь этап на пути к нему. Но «пока мир не созрел для окончательного самоопределения, пока он не вмещает в себя полностью божественной жизни, он остается внебожественной областью. В качестве таковой он временно остается *за порогом* Царства Божия; но отсюда, разумеется, не следует, чтобы он должен был быть отдан во владычество бесу. В этом заключается оправдание мирского порядка – мирского общества, государства, хозяйства и всей вообще светской культуры»¹⁹.

Трубецкой считает, что совершенное Богоявление как максимум, действительный конец мирового процесса оправдывает собой весь процесс: и его начало, и отдельные этапы, которые можно квалифицировать как относительные, но необходимые этапы пути, ступени лестницы, ведущей к цели божественного строительства, божественного процесса: «Христианство высоко ценит отречение от мира и уход из него, но этот уход святых и преподобных, который признается одним из высших человеческих подвигов, есть отказ от мирских благ, отказ от эгоистического наслаждения и пользования миром, а отнюдь не отречение от борьбы с царствующим в мире злом...»²⁰.

При всем трагизме называемых событий, Трубецкой видит в них особое предназначение, особый смысл. Вопрос сводится к оценке происходящего. Действительно, характерное для русской религиозно-философской традиции христианское восприятие истории позволяет увидеть в самых трагических событиях как современности, так и прошлого, благое искупление, условие обретения новой жизни.

¹⁸ Там же. С. 288.

¹⁹ Там же. С. 289.

²⁰ Там же. С. 291.